

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Научная статья

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-7-43

ЕСТЬ ТАКАЯ НАУКА.

А.В. ФЕДОРОВ:

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА —

СПЕЦИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Николай Константинович Гарбовский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Аннотация. Через семьдесят лет после выхода в свет первой книги отечественного автора — А.В. Федорова — «Введение в теорию перевода», специально посвящённой науке о переводе, в статье предпринимается попытка ещё раз осветить роль Федорова в становлении мировой науки о переводе и ретроспективно проследить перипетии её именования, определения её исследовательского поля, предмета и проблематики на фоне социального, идеологического и языковедческого контекстов. В статье делается акцент на функциональной концепции перевода, прослеживается связь между лингвистической стилистикой и теорией перевода, предлагается интерпретация взглядов учёных середины XX в. на проблемы соотношения языка и мышления, а также основных категорий теории перевода.

Ключевые слова: А.В. Федоров, лингвистическая теория перевода, Джеймс Холмс, Брайан Харрис, советское языкознание 1950-х годов, теория перевода и сопоставительная стилистика, девербализация, точность, адекватность и полноценность перевода

Для цитирования: *Гарбовский Н.К.* Есть такая наука. А.В. Федоров: теория перевода — специальная дисциплина // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 4. С. 7–43. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-7-43

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 23.01.2023;
принята к публикации 15.02.2023.

THERE IS SUCH A SCIENCE. A.V. FEDOROV: TRANSLATION THEORY IS A SPECIAL DISCIPLINE

Nikolai K. Garbovskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Abstract. Seventy years after the first publication of the Russian author Andrei V. Fedorov's book *Introduction to Translation Theory*, specifically focused on translation studies, the present article makes an attempt to highlight once again Mr Fedorov's contribution to laying the foundations for a universal translation theory and to observe, in retrospect, the peripeteia of its naming, the identification of its research field, its subject-matter and issues against the backdrop of various social, ideological and research contexts. Special emphasis is put on the functional concept of translation; the connection between linguistic stylistics and the theory of translation is retraced; an interpretation of different mid-twentieth-century scholars' outlooks on the correlation between language and thinking, as well as the main categories of translation studies, is proposed.

Keywords: A.V. Fedorov, linguistic theory of translation, James Holmes, Brian Harris, Soviet linguistics in the 1950s, translation theory and comparative stylistics, deverbilization, accuracy, adequacy and usefulness of translation

For citation: *Garbovskiy N.K.* (2023) There is such a science: A.V. Fedorov: translation theory is a special discipline. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda.* — Lomonosov Translation Studies Journal. 4. P. 7–43. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-4-7-43

The article was received December 13, 2022;
approved after reviewing January 23, 2023;
accepted for publication February 15, 2023.

Введение

В четвёртом номере журнала «Теория перевода» их серии «Вестника Московского университета» за 2022 г. я предложил читателям полемическую статью о статусе современной науки о переводе с провокационным названием «Такой науки быть не может. К эпистемологии науки о переводе» (Гарбовский, 2022: 7), которую посвятил 70-летию выхода в свет статьи А.А. Реформатского «Вопросы теории перевода», опубликованной в шестом номере журнала «Иностранные языки в школе» за 1952 г. Статья выдающегося советского лингвиста сыграла немалую роль в определении статуса науки о переводе в системе отечественного гуманитарного научного знания в первую очередь по той причине, что её автор, задав себе вопрос относительно науки о переводе — «Есть ли такая наука и может ли она быть?» — давал однозначный ответ: «Такой науки быть не может», обосновывая это утверждение разнообразием типов и жанров перевода (Реформатский, 1952). В своей статье я постарался проанализировать концепцию А.А. Реформатского по отношению к теории перевода как области научного знания, сложившуюся на основе лингвистических представлений середины XX в. в определённом идеологическом и научном контексте, и его трактовку некоторых теоретических вопросов перевода с позиций науки о переводе начала XXI в.

Через год после публикации статьи Реформатского, в 1953 г., вышло в свет учебное пособие А.В. Федорова «Введение в теорию перевода» (Федоров, 1953), где автор выражал немалое удивление по поводу утверждения профессора Реформатского. «Такой довод представляется совершенно неосновательным», — возражал он и, сравнивая перевод с иными объектами научного познания, писал: «Другие области практической деятельности и научного знания представляют не меньше трудности в деле обобщения их закономерностей. Отрицать теорию перевода, как научную филологическую дисциплину, хотя бы и ограниченную узкими специальными рамками, значило бы в первую очередь отрицать закономерности в соотношении двух языков, понимаемые, разумеется, широко (т.е., включая и соотношение в системах их стилей)» (Там же: 15).

Сегодня, по прошествии семидесяти лет с момента опубликования книги Федорова, есть достаточно оснований утверждать, что этот труд советского учёного не только знаменовал собой зарождение лингвистической парадигмы в отечественном знании о переводе, но и является одной из важнейших вех в мировой эпистемологии перевода.

1. Становление науки о переводе и «национальные границы»

Трудно не согласиться с мнением выдающегося российского лингвиста, переводчика, исследователя и преподавателя перевода В.Н. Комиссарова о том, что, «как и всякая научная дисциплина, современное переводоведение создавалось усилиями учёных многих стран» (Комиссаров, 2004: 15). В то же время нельзя не заметить, что развитие науки о переводе, как и развитие всякого иного научного знания, подвержено двум разнонаправленным тенденциям.

Первая заключается в универсализации научного знания. Научное знание, родившееся в том или ином уголке мира, в той или иной стране, стремится преодолеть национальные границы, чтобы стать достоянием всего мирового научного сообщества, если научная информация не составляет государственную тайну, представлена в конвенциональных формах и выражена на языке научного общения, принятом мировым сообществом в тот или иной исторический период. Последний фактор оказывается особенно значимым в сфере гуманитарного научного знания.

Другая, противоположная, тенденция заключается в том, что процессы развития научного знания происходят «на фоне разделения науки и знаний по национальным рамкам» (Щедровицкий, 1995: 68). Новое научное знание возникает в определённой национальной среде, благодаря деятельности определённых людей, живущих в обществах определённого политического устройства, определённой идеологии, решающего определённые социальные задачи. «Даже физика, — отмечал Г.П. Щедровицкий, — становится национальной. И это естественно в условиях, когда назначение науки видят в обслуживании различных сфер практики — она по необходимости приобретает черты, свойственные формам организации этих практических сфер в разных странах, на ней «отпечатываются» черты этих «нижележащих» организованностей» (Там же).

Наблюдение философа в полной мере относится к науке о переводе, на которой «отпечатывались» черты национального своеобразия организации практики перевода и обучения переводу в разных странах, в разные исторические периоды. Очевидны в этой области знания и определённые национальные барьеры, ведущие к игнорированию научного знания, полученного исследователями «чужого» мира, и позволяющие иногда не замечать их научного первенства, особенно если речь идёт о сознательной и планомерной изоляции какой-либо культуры.

2. Семьдесят лет лингвистической теории перевода

Содержание книги Федорова хорошо изучено и вред ли требует дополнительных подробных комментариев. Следует лишь подчеркнуть главное: именно Федоров, именно в 1953 году впервые представил научное знание о переводе в виде специальной научной дисциплины, заявив: «От перевода, как творческого процесса, как искусства, следует отличать теорию перевода, как специальную научную дисциплину» (Федоров, 1953: 12).

Изучая вопросы эпистемологии науки о переводе, нельзя не обратиться к моменту возникновения её наименования. Наименование является первым гарантом существования научной дисциплины, претендующей на определённую автономию.

Федоров назвал новую отрасль научного знания «теорией перевода». Это название впоследствии подвергалось критике в силу его двусмысленности, ведь теорией перевода можно назвать как отрасль научного знания о переводе в целом, так и отдельные теоретические модели перевода, например, «интерпретативная теория перевода», «skoros теория перевода», «коммуникативная теория перевода» и т.п. Через двадцать лет после выхода в свет книги Федорова В.Н. Комиссаров отмечал: «Лингвистическая наука о переводе ещё очень молода. До сих пор она ещё не имеет даже общепринятого названия. У разных исследователей можно найти такие термины, как “переводоведение”, “транслатология”, “теория перевода” и т.п.» (Комиссаров, 1973: 4). Через тридцать лет после выхода в свет «Введения в теорию перевода», в её четвёртом издании¹, Федоров уточнял: «в современной филологии стала развиваться и сложилась в специальную дисциплину теоретическая наука о переводе — теория перевода или — шире — “переводоведение”» (Федоров, 1983: 11).

Сегодня термин «переводоведение» всё чаще используется в научном и академическом обороте на русском языке для обозначения как университетской учебной программы подготовки переводчиков (см. напр.: Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования — специалитет по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение), так и области научных исследований, объектом которых является перевод (в рамках научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-споставительная лингвистика в качестве одного из направлений

---

¹ Четвёртое издание книги вышло в 1983 г. под названием «Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы)» (Федоров, 1983).

исследования обозначено «Лингвистическое переводоведение и его основные направления»).

Задачу новой дисциплины Федоров видел в том, чтобы «обобщать выводы из наблюдений над отдельными частными случаями перевода и служить основой для переводческой практики» (Там же: 12).

Учёный представил и структуру научной дисциплины, три её основных раздела: историю перевода, общую теорию перевода, частные теории перевода «с теоретическим рассмотрением именно данных двух языков в их взаимоотношении» (Там же: 16).

Определив теорию перевода как специальную отрасль филологической науки, дисциплину прежде всего лингвистическую, Федоров показал, в чём состоит специфика теории перевода в отличие от других лингвистических дисциплин: «1) постоянное соотношение фактов и целых комплексов в плоскости двух языков, двуязычный характер исследования и 2) комплексный подход к явлениям языка, взятых в их взаимодействии» (Там же: 14–17).

Чрезвычайно важным представляется системный подход учёного к принятию переводческих решений: «при переводе важно соответствие не какой-либо одной особенности и не простой совокупности их, а целой системе, где всё взаимообусловлено» (Там же).

Таким образом, в эпистемологической концепции Федорова, описанной им ещё в 1953 году, достаточно отчётливо видны основные категории науки о переводе как специальной отрасли гуманитарного знания, определены её объект, предмет и цели, ей дано название, очерчены её границы, описана её структура.

3. Первенство в науке: Федоров, Холмс, Гоффен, Харрис?

В западной эпистемологии научного знания о переводе довольно распространённым оказывается мнение о том, что отцом-основателем современной науки о переводе является американский поэт, переводчик и исследователь перевода Джеймс Холмс. В качестве точки отсчёта в истории современной науки о переводе называют доклад Холмса “The Name and Nature of Translation Studies” на секции перевода III Международного конгресса прикладной лингвистики, проходившего в Копенгагене 21–26 августа 1972 г. (Holmes, 1975). Такого мнения, в частности, придерживается французский лингвист и исследователь перевода Даниэль Жиль (см.: Gile, 2006: 107). По мнению Жилия, доклад Холмса, опубликованный позднее в ряде журналов в виде статьи с исправлениями и добавлениями под-

толкнул исследователей разных научных отраслей — лингвистики, философии языка, литературоведения, теории информации, логики и математики — к пониманию возможности создать некую дисциплину, специально посвящённую переводу (Gile, 2006, 2005: 239)².

Федоров в 1953 г. впервые дал русское название новой научной дисциплине — «теория перевода»³, осознавая, что присвоение имени той или иной специальной области научного знания есть определённый акт признания её рождения.

Холмс в 1972 г. после детального анализа структуры, семантики и особенностей функционирования ряда терминов, обозначавших научные исследования в области перевода в английском языке (“*translatology*”, “*the theory of translation*”, “*translation theory*”, “*science of translation*”, “*translation science*”) и их аналоги во французском и немецком языках, предлагает и обосновывает новое английское название этому научному направлению — “*Translation Studies*”. По его мнению, это название является наиболее подходящим из всех доступных на английском языке, поскольку его принятие в качестве стандартного термина для дисциплины в целом устранило бы изрядную долю путаницы и недопонимания⁴.

Профессор Женевского университета Клод Боке, рисуя картину зарождения и эволюции науки о переводе, начинает эпистемологический анализ с того момента, когда эта научная отрасль получила своё имя на французском языке. Он присоединяется к распространённой точке зрения, согласно которой французское наименование этой отрасли науки — *traductologie* — было введено в научный оборот канадским исследователем Брайаном Харрисом (Bocquet, 2006: 23).

Канадский учёный Брайан Харрис (Brian Harris), занимавший пост директора Школы переводчиков в университете Оттавы, обращаясь к истокам современной науки о переводе в статье “*Origins and conceptual analysis of the term Traductologie*”, опубликованной в журнале *Babel* в 2011 г., отмечал, что до 1970-х годов во французском языке не существовало общепринятого термина для обозна-

---

² Здесь и далее перевод с франц. — мой (Н.Г.).

³ Федоров отмечал, что им «впервые было применено понятие «теории переводов» ещё в 1927 г., в статье «Проблема стихотворного перевода» в книге «Поэтика», II, Л., 1927 (см.: Федоров, 1983: 95).

⁴ “the designation ‘translation studies’ would seem to be the most appropriate of all those available in English, in its adoption as the standard term for the discipline as a whole would remove a fair amount of confusion and misunderstanding” (Holmes, 1975: 70).

чения того, что сегодня называется словом *traductologie*; не было аналогичного термина и в английском языке. Харрис полагает, что французское название области научных знаний, объектом которой является перевод, было предложено в конце 60-х годов. Он видит причину, главным образом, в том, что изучение перевода до тех пор рассматривалось не как самостоятельная область, а просто как придаток других областей, таких как литературоведение, прикладная лингвистика или библеистика⁵. К шестидесятым годам у переводчиков и исследователей перевода в Европе и в Северной Америке сложилось убеждение в необходимости выделить изучение перевода в самостоятельную дисциплинарную область и дать ей название. В 1968 г. международная группа переводчиков, терминологов и исследователей Брюсселя, в которую входили Р. Гоффен (R. Goffin), П. Юрбен (P. Hurbin) и др. опубликовала в журнале *Babel* манифест Международного центра исследований перевода, в котором, как отмечает Харрис, в частности, содержался следующий фрагмент: “La traductologie participe des disciplines linguistiques et extra-linguistiques...”⁶ (Harris, 2011: 2). В 1971 г. Гоффен опубликовал в канадском журнале *Meta* статью, посвященную проблемам университетской подготовки переводчиков, где называл два термина — *traductiologie* et *translatologie* — наиболее удачными неологизмами для обозначения на французском языке области исследований перевода (Goffin, 1971: 59). Харрис отмечает, что статья Гоффена была написана, в частности, под влиянием книги Федорова, опубликованной в Бельгии в 1969 г. во французском переводе (Fedorov, 1969). Оба неологизма оказались нежизнеспособными. В 1972 г. Харрис, выступая на конференции в университете Квебека в Монреале на французском языке, вводит новый термин — *traductologie*, сконструированный по модели термина *phonologie*, а затем предлагает и его английский аналог, кальку с французского — *translatology*, забыв, по собственному признанию, о том, что этот термин годом раньше предложил Гоффен в упомянутой статье в журнале *Meta* (Harris, 2011: 2).

На первенство введения в научный оборот французского термина *traductologie* претендовал и французский учёный, переводчик, философ и лингвист Жан-Рене Ладмираль (Harris, 2011: 5).

---

⁵ “until the 1970s there was no accepted term in French for what today is called traductologie. Nor, for that matter, was there a term in English. The reason, basically, was that the study of translation had not been regarded until then as an autonomous field but merely as an appendage of other fields like literature or applied linguistics or Bible studies” (Harris, 2011: 1).

⁶ Традуктология есть дисциплина лингвистическая и экстралингвистическая.

Боке, не вступая в дискуссию о первенстве в именовании науки о переводе, справедливо заключает: «каждый знает, что неологизмы подобного типа всегда возникают у нескольких авторов» (Vocquet, 2006: 23).

Харрис признает, что предложенный им для обозначения новой области знания термин *translatology* в английском научном дискурсе был вытеснен термином *translation studies*, образованным по-другому, модному в английском словообразовании, образцу, появившемуся в статье Джеймса Холмса. Харрис стремится отстоять свой термин и говорит о существенном отличии своего отношения к нему по сравнению с отношением Холмса: Холмс полностью отвергает его, отдав предпочтение термину *translation studies*, в то время как Харрис полагает, что термин *translatology* особенно полезен для обозначения научного изучения перевода.

Аналогичного мнения придерживается и Жиль: сравнивая названия науки о переводе в разных языках, он замечает, что английское название — *Translation Studies* — в отличие от французского аналога *traductologie* (послужившего моделью для английского *translatology* — Н.Г.), испанского *translatología*, немецкого *Übersetzungswissenschaft*, японского *honyakuron*, оказывается несколько двусмысленным, так как скорее обозначает обучение переводу, нежели научную дисциплину, посвященную изучению перевода (Gile, 2005: 239).

Харрис не без скрытого сарказма (поставив в кавычки слово «открыл») отмечает, что помимо названия области знания в той же статье Холмс якобы «открыл» переводоведение, что высказывание Гоффена по этому поводу вполне могло остаться незамеченным в англосаксонском сообществе, потому что содержалось в статье, написанной на французском языке⁷ (Harris, 2011: 5).

Идеи Гоффена, высказанные на французском языке, равно как и идеи Федорова, высказанные на русском языке двадцатью годами раньше, остались незамеченными в англосаксонском научном мире, и отцом-основателем современной науки о переводе в западном научном сообществе оказался Джеймс Холмс.

Следует отметить, что Холмс не только дал своё название науке о переводе, но и сформулировал цели новой научной дисциплины,

---

⁷ “The latter term is usually attributed to a much-cited article by a well-known writer on literary translation, James Holmes (Holmes, 1972). In the same article, Holmes also ‘discovered’, so to speak, *translatology*. Goffin’s mention of it might well have gone unnoticed in the Anglo-Saxon community, because it was embedded in an article written in French” (Harris, 2011: 5).

а также представил структуру научного знания в этой области. Безусловной заслугой Холмса является выделение в области знания о переводе области «чистой», т.е. фундаментальной науки, что выводит науку о переводе из сферы исключительно прикладных интересов.

Структура, предложенная Холмсом, более подробно, по сравнению с той, что была предложена Федоровым. Однако необходимо иметь в виду, что она была разработана и описана в статье, опубликованной через тридцать пять лет после того, как вышла в свет книга Федорова, т.е. тогда, когда наука о переводе уже прошла в своём развитии значительный отрезок пути, и можно было уже не строить «футурологическую» модель научного знания о переводе, как делал Федоров, а констатировать уже сложившуюся композиционную структуру данной области научных исследований.

Однако заслуга А.В. Федорова в западной науке остаётся не оценённой по достоинству, и пальма первенства в обосновании науки о переводе как специальной отрасли научного знания традиционно отдаётся Холмсу. Современные исследователи лишь иногда упоминают имя Федорова, разбирая некоторые частные вопросы перевода (см. напр.: Пим, 2018; Gile, 2005).

Таким образом, разделение науки и знаний национальными, региональными и иными рамками рисует картину мировой истории научного знания как сумму, далеко не полную, научных достижений, признанных сообществами той или иной части света. Причина этого заключается не только в лингвистических барьерах, препятствующих познанию «иного» научного знания, но и в очевидном нежелании его узнать и признать. Разделение научных знаний о переводе «по национальным квартирам» привело к эпистемологической дихотомии: научные взгляды о дисциплинарном статусе науки о переводе Федорова vs Холмса оказались не взаимно дополняющими, а конкурирующими. К сожалению, сегодня даже за пределами англо-саксонского научного и профессионального переводческого сообщества можно встретить сомнительные и не совсем точные заявления, подобные тому, что размещён на сайте одной из российских переводческих компаний: «Датой рождения теории перевода как научной дисциплины считается 1972 год: тогда, выступая на III Международном симпозиуме по прикладной лингвистике в Копенгагене, британский лингвист Джеймс Холмс заявил о необходимости признания теории перевода самостоятельной областью научных исследований» (Возникновение...).

Краткий экскурс в историю именованья науки о переводе и попыток её структурирования наглядно показывает, что Федоров, заявивший о теории перевода как о специальной отрасли филологической науки, имеющей своё название, свой объект, свой предмет, свою структуру, свои цели, опережает западное научное знание не менее чем на два десятилетия.

4. Социальный контекст становления науки о переводе в отечественном научном знании

Для более полного понимания теоретических взглядов Федорова важно рассмотреть их в социальном, идеологическом и эпистемологическом контекстах того времени.

Книге «Введение в теорию перевода» предшествовала малоизвестная статья Федорова «Основные вопросы теории перевода» (Федоров, 1952), опубликованная в пятом номере журнала «Вопросы языкознания» за 1952 г., которую можно рассматривать как программный манифест новой отрасли научного знания. Именно эта статья легла в основу теоретических положений, более подробно развернутых в книге.

В Советском Союзе наука о переводе рождалась в условиях политического и идеологического противостояния западному миру, что не могло не отразиться на научном творчестве советских учёных, на принципах построения научного знания и научных приоритетах.

В начале 50-х годов в Советском Союзе переводческая практика получила значительное развитие не только в сфере художественного перевода, но и в других областях межъязыковой коммуникации. Подготовка профессиональных переводчиков уже приобрела системный характер и наращивала обороты, накапливался педагогический опыт. Десять лет в структуре профессионального высшего образования Советского Союза функционировали ведущие учебные заведения, которые по праву можно считать колыбелью отечественной науки о переводе — переводческий факультет 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков и Военный институт иностранных языков Красной Армии. Именно в этих институтах на протяжении многих последующих лет проходила научная и образовательная деятельность плеяды выдающихся лингвистов и педагогов, чьи имена известны и почитаемы сегодня всеми, кто посвятил себя переводческой деятельности, чьи работы до сих пор изучаются студентами как клас-

сика науки о переводе: Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер.

В.Н. Комиссаров, обращаясь позднее к периоду середины XX века, отмечал не только увеличение масштабов, но и изменения самого характера переводческой деятельности. «На первый план начал выдвигаться информативный (деловой) перевод, в результате которого должны иметь место взаимозаменяемые, аутентичные тексты на двух языках. Значительно возросли требования к точности перевода» (Комиссаров, 1973: 6), — замечал исследователь. «При переводе материалов подобного рода, — продолжал Комиссаров, — уже нельзя было довольствоваться верностью перевода “в целом”, одинаковостью воздействия на читателя оригинала и перевода» (Там же). Иначе говоря, литературоведческая парадигма в знании о переводе, зародившаяся в национальной системе научных знаний в 1919 г. работой Н.С. Гумилева и К.И. Чуковского «Принципы художественного перевода», явившейся «блестящим прологом к отечественной науке о переводе» (Чайковский, 2016: 9), уступала своё место лингвистической.

В этих условиях закономерно вставал вопрос о том, что переводческая деятельность должна стать объектом нового теоретического знания, новый предмет которого составляла «лингвистическая сущность этого процесса» (Комиссаров, 1973: 7), а цель заключалась в том, чтобы выяснить «в какой степени он (процесс перевода — *Н.Г.*) определяется собственно лингвистическими факторами, в каких пределах такие факторы ограничивают точность передачи информации» (там же). Это знание было необходимо для построения рациональной педагогики подготовки профессиональных переводчиков для самых разнообразных сфер межъязыковой коммуникации — политики и дипломатии, науки и искусства, сфер бытовой и социальной коммуникации. Многим исследователям и преподавателям перевода лингвистическая основа этого научного знания была очевидна.

Федоров, отметив в статье неслучайный характер интереса, «который вопросы перевода издавна возбуждали и возбуждают сейчас у филологов различных специальностей» (Федоров, 1952: 3) в силу практической важности задач, решаемых переводом, видит обоюдный характер отношений теории перевода и лингвистической науки: не только лингвистика способна предоставить необходимые знания для успешной переводческой деятельности, но и неизбежное в переводе сопоставление языков даёт новые данные лингвистике, «ведь при сопоставлении двух разных языковых систем

ярче освещается своеобразие и закономерности каждой из этих систем» (Там же). Иначе говоря, исследование вопросов перевода не только не пренебрегает спецификой национальных языков, но напротив, ярче её высвечивает. Таким образом, теория перевода виделась Федорову не падчерицей лингвистики, а областью взаимного интереса,

Но признание лингвистической основы перевода ещё не представлялось достаточным основанием для того, чтобы придать науке о переводе статус специальной научной дисциплины.

Федоров весьма удивлён тем фактом, что авторитетный лингвист А.А. Реформатский не способен увидеть существование определённых закономерностей, делающих перевод возможным, и отрицал дисциплинарный статус теории перевода в силу «разнообразия типов и жанров перевода»⁸.

С другой стороны, едва вышла в свет книга Федорова, как на лингвистическую теорию перевода обрушился И.А. Кашкин, признанный мастер художественного перевода, основатель школы художественного перевода и яростный поборник реалистического метода в художественном переводе. Весьма скептически оценив полезность теории перевода для практики художественного перевода через год после выхода в свет книги Федорова, он писал: «Как нам представляется, теория художественного перевода не должна быть поглощена лингвистикой, не должна стать дисциплиной чисто лингвистической, к чему призывает А.В. Федоров», и далее «Однако превратное толкование вопроса о теории перевода как о дисциплине языковедческой с некоторых пор усвоил видный советский теоретик перевода А.В. Федоров и закрепил эту точку зрения в своём “Введении в теорию перевода”, которое получило широкое распространение как одобренный учебник. А.В. Федоров настойчиво утверждает в переводе всеобщий примат лингвистики, тогда как в нашем случае, в применении к художественному переводу, правильное было бы поставить вопрос с головы на ноги и говорить о теории перевода не как о дисциплине исключительно лингвистической, в отрыве от идейно-художественной стороны, а как о проблеме филологической, при решении которой надо отправляться от идейно-художественной стороны литературного произведения, потому что именно она определяет выбор языковых средств выражения» (Кашкин, 1954).

Несмотря на всё различие взглядов лингвиста Реформатского и литератора Кашкина на теорию перевода, их объединяет именно

---

⁸ См. подробнее (Гарбовский, 2022).

непонимание того, что в переводе, независимо от видов и жанров, независимо от переводимого материала, существуют закономерности, выявление которых составляет основу предмета теории перевода, что эти закономерности позволяют дать научно обоснованное объяснение тем особенностям переводческих решений, которые выявляются в конкретных фактах переводческой практики, оперирующей текстами разных видов и жанров, протекающей в разных условиях и с разными целями.

5. Языковедческий контекст. Год 1952

Говорить о взглядах на перевод лингвистов той эпохи можно лишь с учетом состояния лингвистики начала пятидесятых годов.

В начале 50-х годов советское языковедение переживало «эпоху перемен». В статье Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованной в газете «Правда» (20 июня 1950 г.), были подвергнуты резкой критике положения антимарксистского «нового учения» о языке академика Н.Я. Марра и его учеников. Глава советского государства подвёл итоги дискуссии и определил генеральную линию дальнейшего развития науки о языке, нацеленную на творческое развитие принципов марксистского языкознания.

Но для обсуждения важнейших вопросов дальнейшего развития науки о языке требовалась специальная дискуссионная площадка, обеспечивавшая советским языковедам регулярный широкий обмен мнениями и научными результатами. Такой площадкой стал новый печатный орган Академии наук СССР — научный журнал «*Вопросы языкознания*» с весьма солидным для специального научного издания тиражом в 15000 экземпляров.

В обширной редакционной статье — «Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал “Вопросы языкознания”», — открывавшей первый номер нового журнала, было подвергнуто «беглому обзору состояние и развитие советского языкознания после появления труда И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”» (Задачи советского языкознания..., 1952, № 1: 4) и подробно описывалась проблематика, подлежащая исследованию советской наукой о языке и определялись задачи нового журнала: «Организация науки о языке на основе сталинских указаний, творческое развитие принципов марксистского языкознания, тесно связанное с применением их к исследованию самых разнообразных конкретных языков в их истории и современном состоянии, практическое содействие оформлению и развитию младописьменных национальных языков народов Советского Союза, решение неот-

ложных вопросов культуры речи на базе сталинского понимания общественной сущности языка и его структуры» (Задачи советского языкознания..., 1952, № 1: 3).

В редакционной статье провозглашалась насущная необходимость «внедрения» марксизма в языкознание и бескомпромиссного отмежевания от западной, буржуазной, лингвистики в основных вопросах теории языка: «Марксистская постановка и марксистское решение многих вопросов общего языкознания, например, таких, как вопрос о “знаковости” языка, об историзме как принципе языковедческого исследования, о соотношении описательной и исторической грамматики, о содержании и задачах семасиологии, о закономерностях развития словарного состава языка и т.п. тесно связаны с разоблачением реакционных буржуазных теорий в области языкознания» (Там же: 5). Самым влиятельным течением идеалистического зарубежного языкознания объявлялись социологическое направление и «структуральная лингвистика» как его логическое продолжение. «Структурализм пренебрегает спецификой национальных языков, он стремится к созданию общей грамматики, ищет факты “общечеловеческие”, космополитические, стойко действующие на протяжении истории и дающие знать о себе в строе любого языка» (Там же: 7), — отмечали авторы статьи.

В западной науке доминировало убеждение в том, что именно структурный метод превратил лингвистику в истинную науку. Французский этнолог Клод Леви-Стросс (1908–2009), основоположник структурного направления в этнологии (культурной антропологии), в статье “L'analyse structurale en linguistique et en anthropologie”, опубликованной в 1945 г. в журнале *Word, Journal of the Linguistic Circle of New York*, утверждал, что «в этнологии, как и в лингвистике, [...] не обобщение основывается на сравнении, а, напротив, сравнение на обобщении. Если, как мы полагаем, бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой и если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного — как это блестяще раскрывается при исследовании символической функции в том виде, как она выражается в языке, — то необходимо и достаточно прийти к бессознательной структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев, разумеется, при условии достаточно глубокого анализа» (Lévi-Strauss, 1974: 28). Лингвистика представлялась учёному образцом научного знания в области

общественных наук: «Из всего комплекса общественных наук, к которым она несомненно относится, лингвистика занимает особое место: она не такая общественная наука, как другие, она намного опередила их в своём развитии, возможно, она единственная может называться точной наукой, и ей удалось не только разработать позитивный метод, но и познать природу подвергавшихся анализу фактов» (Lévi-Strauss, 1974: 37).

Жиль, характеризуя третий период в исторической модели знаний о переводе Стейнера, отмечал, что это было время, когда в лингвистике начинают доминировать структуралистские идеи и зарождается теория коммуникации (Gile, 2005: 237).

Советские языковеды подвергли критике не только идеи структурализма, но и принцип универсального сравнения языков: «Сторонники универсального сравнения языков, так же, как и Марр, исходили и исходят из идеалистического допущения «чистого мышления», свободного от «природной материи», от материальной оболочки языка» (Там же: 8). Искусственным и объективно неоправданным объявлялись «членение истории языка на “внешнюю” и “внутреннюю”, а также противопоставление “синхронии” и “диахронии”, приведшее, в конце концов, к “панхронии” и “ахронии”, т.е. к отрицанию законов истории языка как общественного явления» (Там же). В целом учение о языке Соссюра определялось как идеалистическое, диаметрально противоположное «сталинскому учению о языке, которое исходит из диалектико-материалистического понимания общественной сущности языка» (Там же: 10).

Критический анализ западных лингвистических теорий завершился выводом: «Разоблачение буржуазно-идеалистических взглядов по вопросам теории языка — одна из важных задач, стоящих перед журналом «Вопросы языкознания» (Там же: 11).

Одной же из главных особенностей советского языкознания того периода было отрицание научного потенциала структурного подхода и противостояние западной «структуралистской» науке о языке. В то же время зарождалась новая лингвистическая дисциплина — лингвистическая, функциональная по основным принципам, стилистика.

К.А. Долинин, анализируя через полвека причины особого интереса лингвистов к вопросам стилистики в тот период, справедливо отмечал, что в условиях изоляции от мировой науки и, более того, активного противостояния новейшим течениям лингвистической мысли (в частности структурализму) надо было что-то

противопоставить «идеалистической буржуазной лингвистике», найти или создать какой-то свой оригинальный продукт для поддержания престижа отечественной науки, а также, может быть, для того чтобы занять тысячи плохо подготовленных лингвистов — преподавателей языков в вузах» (Долинин, 2004: 608).

Теоретической основой для решения вопросов теории перевода была определена стилистика: «На стилистику опирается также теория перевода, вопросы которой не раз поднимались советской общественностью, справедливо требующей точного и высококачественного перевода научных, публицистических и художественных текстов» (Задачи советского языкознания..., 1952, № 1: 29). Стилистическая доминанта в исследованиях перевода полностью соответствовала и взглядам Федорова на характер науки о переводе: «основная задача теории перевода, как лингвистической дисциплины, вырисовывается всего ярче в стилистическом разрезе», полагал исследователь (Федоров, 1953: 18).

Приведённые выше фрагменты обширной программной статьи показывают, какие позиции следовало занимать советским языковедам начала пятидесятых в решении сложных вопросов науки о языке. Разумеется, что и к изучению вопросов теории перевода можно было подходить исключительно с позиций марксистского понимания взаимосвязи языка и мышления, исторической специфики национальных языков.

6. А.В. Федоров: стилистика и вопросы перевода

Отдав дань марксизму в решении вопросов перевода, Федоров перешёл к своему излюбленному разделу науки о языке — стилистике: «Полноценность языка в переводе, степень соответствия его общенародным нормам, — пишет он, — играют столь существенную роль ещё и потому, что понятие языка неразрывно связано с понятием стиля, который возникает как результат отбора определённых возможностей, существующих в общенародном языке или представляющих лёгкое отклонение от его нормы» (Федоров, 1952: 6).

Как мы видели, стилистика определялась как лингвистическая основа для решения вопросов теории и практики перевода и в программной статье советских лингвистов. Что касается самой стилистики, то её статус определялся вполне отчётливо: «Стилистика должна быть создана как самостоятельная и разветвлённая отрасль языкознания, как наука о системе стилей общенародного, национального языка, об их соотношении и взаимопроникновении, как

наука о свойственных тому или иному языку соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания, о формах отношения средств выражения к выражаемому содержанию» (Задачи советского языкознания..., 1952, № 1: 29). При этом отмечалось: «До сих пор понятие стилистики как науки было крайне неопределённым и расплывчатым» (Там же).

Федоров отчётливо сознавал недостаточную разработанность вопросов стилистики в языкознании, в частности, вопроса о речевых стилях в его отношении к вопросам перевода и определил первоочередную задачу теории перевода в вопросе «о типах материала» — «определение своеобразия каждого из них по признаку соотношения в них элементов основного словарного фонда с элементами различных категорий и пластов словарного состава языка и с точки зрения отбора и использования различных возможностей грамматического строя» (Федоров, 1952: 9).

Недостаточная разработанность лингвистической стилистики выдвигалась во главу угла противниками лингвистического подхода к решению вопросов теории перевода. И.А. Кашкин писал: «совсем недавно к художественному переводу попытались применить ещё только создаваемую у нас новую отрасль языкознания — лингвостилистику, то есть стилистику в её отношении к строю языка, а не в отношении к литературным стилям. Дисциплина эта может быть очень полезной для преподавания языка и при изучении текста, однако ещё нужно доказать, что она может быть непосредственно пригодна для целей художественного перевода. Тем не менее сторонники этого метода предлагают уже сейчас сдать художественный перевод в ведение лингвостилистам, с тем чтобы те изучили всё пока ещё не изученные случаи лингвистических соответствий. А переводчикам предлагают ждать готовых решений, которыми и руководствоваться, что вовсе не соответствует запросам художественного перевода, который ждёт от теоретиков не штампованных рецептов готовых языковых решений, а глубокого изучения основных проблем поэтики художественного перевода» (Кашкин, 1952а).

Для решения вопросов теории перевода Федорову было важно, что стилистика не только ориентировалась на изучение системы стилей национального языка, но и наука о соотносительных и параллельных способах выражения более или менее однородного содержания.

Теория перевода виделась, таким образом, как система научных знаний о соотносительных способах выражения содержания, за-

данного оригиналом, средствами языков, сталкивающихся в переводе, т.е. как некое подобие сопоставительной стилистики.

Вслед за Л.Н. Соболевым⁹ Федоров приводит типологию материала, подлежащего переводу, разделив его на три группы: «1) тексты газетно-информационные, документальные и специально-научные, 2) произведения публицистические, 3) произведения художественной литературы» (Там же), но отмечает, что «конкретность эта классификация может приобрести только в свете изучения соотношения — в пределах каждого жанра — грамматических черт с категориями основного словарного фонда и словарного состава языка» (Там же).

Федоров утверждал, что «критерий такой классификации — явно стилистический» (Там же), выстраивая, таким образом, теорию перевода на основе лингвистической стилистики.

Подобный взгляд на корреляцию стилистики и теории перевода был весьма распространён в середине XX века и в западной лингвистической науке. Для сопоставительной стилистики как отрасли языкознания, тесно примыкающей к науке о переводе, значительной вехой оказалось основание французским германистом А. Мальбланом 1958 г. серии «Библиотека сопоставительной стилистики», в которой вышли работы, непосредственно посвящённые сопоставительно-стилистическому изучению конкретных пар языков для перевода: французского и английского канадских лингвистов и переводчиков Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, а также французского и немецкого французского языков самого Мальблана. Связь сопоставительной стилистики с переводом обозначалась уже в названиях этих произведений: сопоставительная стилистика Вине и Дарбельне определялась авторами как учебник по переводу (Vinay et Darbelnet, 1958), а сопоставительная стилистика Мальблана — как очерк сопоставительного лингвистического изучения и перевода (Malblanc, 1961).

Федоров подробно рассматривает лексико-грамматические особенности каждой стилистической разновидности материала, под-

---

⁹ Федоров ссылается на статью Л.Н. Соболева «О мере точности в переводе» в сб. «Вопросы теории и методики учебного перевода» (Вопросы теории и методики..., 1950), автор которой полагал, что «мера точности меняется в зависимости от цели перевода, характера переводимого текста и читателя, которому перевод предназначен», и разделял переводимый материал на три группы текстов: художественные, публицистические и деловые (в том числе и научные) (Федоров, 1952: 8). Соболев предвосхитил некоторые положения так называемых прагматических теорий перевода, в частности, «skoros-теории» немецких исследователей К. Райс и Г. Фермера, теории динамической эквивалентности Ю. Найды и др.

лежащего переводу: для текстов газетно-информационных, документальных и специальнонаучных характерно наличие терминов, для литературы по общественным наукам и по философии — использование образной идиоматики, для художественной литературы — разнообразие лексических элементов, отсутствие специальной терминологии, использование слов в переносных значениях и т.п. (см.: Федоров, 1952: 10). При этом он отмечает, что грамматическая, прежде всего синтаксическая, вариативность текстов разных речевых жанров менее выражена.

На основании проведённого анализа стилистической вариативности лексико-грамматических средств выражения в текстах разных жанров Федоров делает один из основных выводов из своих разысканий в области перевода, составляющий ядро его теоретической концепции: «задача перевода остаётся стилистической задачей при любом материале: она состоит в таком отборе лексики и грамматических средств (форм, конструкций), который определяется, с одной стороны, общей целенаправленностью подлинника и, с другой, соблюдением тех норм, какие существуют в языке для данного жанра» (Там же: 12).

Следует подчеркнуть, что основу стилистической вариативности текстов, подлежащих переводу, Федоров видел в целенаправленности подлинника. Это было уже определённым шагом как в сторону функциональной стилистики, так и прагматики перевода. Прагматический ракурс перевода не ограничивался целью речевого жанра, к которому принадлежал текст оригинала. Хотя Федоров и заявлял, что «задача перевода может быть проще или сложнее в зависимости от характера подлинника», он уточнял, что «говорить о том, что в одних случаях (например, в переводе текстов научных, информационных и т.д.) она сводится к передаче содержания, а в других — к передаче также и формы, было бы грубейшей ошибкой» (Там же), т.е. речь идет уже о прагматике переводческих решений в целом. Различия в соотношениях между формой и содержанием в переводе текстов разных жанров определяют и разницу в требованиях к характеру точности перевода. «Дело идёт, конечно, вовсе не о том, что для определённых текстов предполагается, или требуется, или допускается большая или меньшая точность, а в том, что различно само качество этой точности» (Там же), — писал Федоров. Пытаясь объяснить, что следует понимать под характером точности в переводе, он приводит пример научного текста, где требуется соответствие нормам терминологии, построение фразы преследует лишь одну цель — исчерпывающую передачу мысли. Что же каса-

ется перевода художественной литературы, то для него характерна роль образа в широком смысле слова, для передачи которого используется «величайшее разнообразие служащих для построения образа языковых средств» (Там же).

7. А.В. Федоров: процесс перевода «не может вызывать «оголения» мысли

В программной статье первого номера «Вопросов языкознания» одним из важнейших направлений лингвистических исследований было определено изучение вопросов взаимоотношения языка и мышления, в частности, «истории языка в связи с историей мышления: о соотношении грамматики и логики, о закономерностях исторического развития категорий мышления и грамматических категорий, о взаимосвязи между развитием мышления и совершенствованием грамматического строя языка, об образном и понятийном мышлении, о слове, значении и понятии, о суждении и разных типах предложения, о способах выражения и отражения в языке форм и законов мышления и содержания мышления, мировоззрения, о влиянии базиса и идеологических надстроек (политических, философских, эстетических и других взглядов) на развитие словарного состава языка, о научной терминологии в связи с методологическими основами разных научно-философских теорий и т.п.» (Задачи советского языкознания..., 1952, № 1: 4). При этом утверждалось, что исследование языка и мышления вопросов неотделимо от критики «буржуазно-идеалистических теорий в этой области» (Там же). Федоров обращается к важнейшему вопросу теории перевода, вопросу о взаимоотношении мысли и речи. «В переводе мы имеем дело с передачей мыслей, первоначально высказанных на одном языке и сообщаемых читателю или слушателю, говорящему на другом языке. А так как оголённых мыслей, свободных от языкового материала, не существует и реальность мысли проявляется в языке¹⁰, то и передача мыслей осуществляется только с помощью языковых средств» (Федоров, 1952: 10).

Федоров формулирует основное, двухчастное, условие понятности перевода: во-первых, полнота и отчётливость выражения мысли подлинника, во-вторых, соответствие текста перевода общенародной норме языка перевода (см. там же). Сам по себе этот тезис о том, что основным требованием к переводу является полнота и отчётливость выражения мысли автора оригинала, далеко не нов

---

¹⁰ Федоров ссылается здесь на работу И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (Сталин, 1952: 39, 45–47).

и восходит ещё к временам Античности. Цицерон, переложивший речи Эсхина и Демосфена с греческого на латинский, стремился сохранить мысли авторов, используя слова, «привычные латинскому обычаю» (см.: Гарбовский, 2004: 69). Однако для построения теории требовалось объяснить, как мысль автора оригинала, сформулированная на одном языке, приобретает свой новый вид в формах другого языка, языка перевода, объяснить, какие когнитивные операции происходят при этом в сознании переводчика.

Но для науки о переводе одного заявления о необходимости сохранять в переводе мысли автора оригинала и следовать нормам языка перевода было недостаточно. Оставался открытым вопрос: какой путь в сознании переводчика проходит мысль автора оригинала, заключённая в формы исходного языка, прежде чем она обличается в формы языка перевода. Заявить о непосредственном переходе от знаков одной системы к знакам другой на основе исторически установившейся традиции межъязыковых контактов означало бы согласиться с тем, что нормой перевода оказывается буквализм.

Можно было предположить, что в переводе происходит освобождение мысли автора оригинала от форм исходного языка мысли, основываясь на концепции Л.С. Выготского о взаимоотношении языка и мышления. Выготский полагал, что «мысль не совпадает непосредственно с речевым выражением» (Цит. по: Выготский, 1999: 319)¹¹. «Мысль не состоит из отдельных слов — так, как речь, — утверждал он и далее приводил пример: — Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузы, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу всё это вместе в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова. Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объёму, чем отдельное слово» (Там же).

Если мысль рождается как нечто целое, и представляет собой по образному выражению Выготского некое нависшее облако, «которое проливается дождём слов» (Там же), то можно предположить, что в сознании переводчика капельки-слова оригинала сливаются в некую картинку — новое облако, которое затем проливается потоком слов языка перевода (ср. круговорот воды в природе).

---

¹¹ Работа Л.С. Выготского «Мышление и речь» была опубликована в 1934 г., в год смерти автора, Государственным социально-экономическим издательством (Москва — Ленинград).

Выготский не оставляет открытым вопрос о том, в каком виде существует мысль в сознании человека и заключает: «Мы нашли эту единицу, отражающую в наипростейшем виде единство мышления и речи, в значении слова. Значение слова, как мы пытались выяснить выше, представляет собой такое далее неразложимое единство обоих процессов, о котором нельзя сказать, что оно представляет собой: феномен речи или феномен мышления (Выготский, указ. соч.: 270).

Позднее мысли русского психолога о языке и мышлении нашли отклик в работах как советских, так и западных исследователей перевода, в частности, в исследованиях, посвящённых процессу устного перевода.

Идею необходимости «освобождения» смысла от языковой оболочки исходного языка в переводе высказывал и Р.К. Миньяр-Белоручев, анализируя трудности перехода от языка № 1 к языку № 2 при «смысловом способе перевода», предполагающем «идентификацию денотата, т.е. осознание семасиологических связей знака языка № 1» (Миньяр-Белоручев, 1980: 103). «Успех перевода в значительной степени зависит от того, насколько переводчику удастся “дематериализовать” поступающую к нему информацию, т.е. освободить своё представление о денотате или ситуации от исходного кода», — заявлял исследователь (Там же: 104).

Фазу «девербализации» в переводе выделяли и французские переводчицы-синхронистки, авторы «интерпретативной теории перевода» Д. Селескович и М. Ледерер: «Процесс устного перевода совпадает с осознанием идей, мы также говорим “смысла”. В устном переводе мы видим, как в речевом потоке каждые 7–8 секунд это осознание сопровождается исчезновением языковых форм. Происходит девербализация, при которой остаётся только осознание смысла; тогда оно может быть выражено синхронно, в полной свободе от средств выражения языка оригинала. Благодаря девербализации учащиеся постепенно найдут в своём родном языке естественные формы выражения и смогут установить для оригинала несколько возможных соответствий, которые одинаково действительны как для одного, так и для другого» (Seleskovitch, Lederer, 1989: 41)¹².

---

¹² «Le processus de l'interprétation correspond à une prise de conscience des idées, nous disons aussi du 'sens'. A l'oral, on constate que, dans le continuum du discours, toutes les 7 à 8 secondes, cette prise de conscience s'accompagne de la disparition des formes verbales. Il se produit une déverbalisation qui ne laisse subsister qu'un état de conscience du sens ; celui-ci peut alors s'exprimer avec spontanéité, en toute liberté par rapport

Но в начале 50-х такая идея шла вразрез с представлениями Сталина о взаимоотношении языка и мышления. Своё отношение к проблеме Сталин сформулировал в статье «К некоторым вопросам языкознания»: «Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголённом виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой “природной материи”, не существует. “Язык есть непосредственная действительность мысли” (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с “природной материей” языка, о мышлении без языка»¹³ (Цит. по: Сталин, 1997).

Поэтому Федоров, отметив психологическую сложность процесса перевода, заявляет о том, что этот процесс «не может вызывать “оголения” мысли, т.е. не допускает какого-то промежуточного её состояния, когда она, якобы отделившись от языковой формы подлинника и ещё не воплотившись в формы другого языка, существовала бы “сама по себе”, как некая бесплотная сущность» (Федоров, 1952: 4). Федоров признает, что отчётливые формы и связи возникают в сознании переводчика не сразу, что процесс перевода проходит через целый ряд стадий, прежде чем будет достигнута «полная чёткость и связность оформления образов, вызываемых подлинником» (Там же). Однако, по мнению Федорова, «независимо от степени чёткости, эти образы на любой из стадий имеют языковый характер» (Там же).

Найдя решение сложнейшего вопроса теории перевода, Федоров даёт определение перевода: «перевести — это значит выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы» (Там же: 4), и показывает причины «неудовлетворительного перевода», к которым относит неясное понимание подлинника,

---

aux moyens d'expression de la langue originale. Grâce à la déverbalisation, les étudiants trouveront peu à peu dans leur langue maternelle des formes d'expression naturelles et parviendront à établir pour l'original plusieurs équivalences possibles et aussi valables les unes que les autres” (Seleskovitch..., 1989: 41–44).

¹³ Статья Сталина под названием «К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой» впервые была опубликована в газете «Правда» 4 июля 1950 года и затем вошла составной частью в сборник «Марксизм и вопросы языкознания».

вызываемое недостаточным знанием языка перевода и незнанием предмета, а также неумелое владение языком перевода. При этом он ссылается на классиков марксизма: письма К. Маркса к В. Бракке, статью Ф. Энгельса «Как не следует переводить Маркса», а также рецензию Г.В. Плеханова на книги Г. Лансона по истории французской литературы¹⁴.

8. А.В. Федоров: «точность, адекватность и полноценность перевода»

К понятию точности Федоров обращается главным образом в разделе, посвящённом переводу художественной литературы, где отмечает, что в ряде работ применение понятия точности к художественному переводу было подвергнуто сомнению, а само слово «точность» стало всё реже употребляться в теоретической литературе (см.: Там же: 17).

Федоров полагал, что от понятия точности в оценке художественного перевода следовало отказаться, чтобы соблюсти основной принцип, заключавшийся в отказе от всяких попыток установить формальные соответствия между текстами оригинала и перевода. Есть основания предположить, что тезис Федорова о необходимости заменить аксиологическую категорию точности другой, более гибкой, было реакцией на статью И.А. Кашкина, опубликованную во втором номере журнала «Иностранные языки в школе» в том же 1952 г. и содержавшую резкую критику сторонников «формально-точного» перевода художественных произведений, в частности, концепцию «технологически-точного перевода» Е. Ланна, автора переводов произведений Диккенса на русский язык (см.: Кашкин, 1952: 22–41). Громя переводчиков-формалистов и «их эпигонов», Кашкин писал: «Прикрываясь стремлением дать “точный” перевод, они проявили много эрудиции и энергии в обоснование своих

---

¹⁴ Федоров приводит «общеобязательные» требования к переводчику, сформулированные Плехановым: «Вы хотите переводить? Это хорошее намерение, но помните, что вы должны знать, во-первых, тот язык, с которого переводите; во-вторых, — тот, на который делается ваш перевод; в-третьих, тот предмет, о котором идёт речь в переводимом вами сочинении. Если не соблюдено хоть одно из этих условий, то вам лучше вовсе не браться за перо, потому что ваш перевод будет плох, и вы только введёте читателей в заблуждение» (Плеханов, 1933: 47). Разумеется, требования Плеханова далеко не новы и демонстрируют хорошее знание Плехановым французской литературы, в частности трактат французского гуманиста XVI в. типографа Э. Доле «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», в котором автор выдвигает те же требования к переводчику. См.: Dolet E. «La manière de bien traduire d'une langue en aultre» Lyon, 1540 (Cary, 1963; Гарбовский, 2004: 79–94).

принципов и догм, но творчески не оправдали своих деклараций уже потому, что подход их к переводу произведений Диккенса был заведомо порочен, и практические результаты не могли быть удовлетворительны» (Там же: 25). Кашкин предлагал собственную трактовку категории точности, как отказ от переводческих добавлений и украшательств: «Правильно понятая точность, верность подлиннику стали железным законом переводчиков, надёжной гарантией от возврата к украшательству. Тем меньше оснований цепляться за букву. Однако переводчики-буквалисты всё в той же позиции, всё глубже закапываются в вороха частных и деталей, ограждаются бруствером комментариев» (...). После подробного критического анализа переводческих решений Ланна, Кашкин не смог удержаться, чтобы не увидеть в переводческой концепции своего идейного противника отголоски подвергнутого резкой критике «нового учения» Марра о языке и не навесить ему таким образом идеологический ярлык. «Смешно было бы считать Е. Ланна и других переводчиков-буквалистов последовательными учениками или почитателями Н.Я. Марра, но, не имея своей органической точки зрения, эклектики и вчерашние формалисты объективным ходом вещей вовлекались в русло своего рода вульгарного марризма» (Там же: 41), — заключал Кашкин.

Для 1952 года сравнение весьма опасное.

Нельзя отрицать того, что оно могло послужить Федорову одним из поводов вывести категорию «точности» из научного оборота теории художественного перевода и попытаться диалектически решить давний спор между оппонентами.

Федоров анализирует и понятие адекватности, как возможную замену понятию точности. Он приводит определение адекватности перевода, предложенное А.А. Смирновым для статьи «Перевод» в «Литературной энциклопедии» 1934 г.¹⁵ Формулировка Смирнова оставляет у него чувство неудовлетворённости. «Недостаточность определения, — писал Федоров, — проявляется в том, что отклонение от оригинала, необходимость “кое-чем жертвовать” упоминается в порядке оговорки, как исключение из правила, хотя до этого

---

¹⁵ «Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определённого идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности путём точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (подстановок) всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т.п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать...» (Смирнов, 1934: VIII, 527).

применялись такие принципиально важные термины, как “эквивалент” и “субститут”, говорящие о широком понимании адекватности» (Федоров, 1952: 18). Понятие адекватности представляется ему недостаточно точно и полно определённым.

Федоров предлагает ввести новую категорию аксиологии перевода — категорию *полноценности*.

Понятие полноценности перевода оказывается связанным с понятиями *переводимости* и должно заменить понятие точности перевода в силу того, что обладает по сравнению с ними явным преимуществом: оно «напоминает о соотносительности отдельного и целого, о глубокой взаимосвязи и взаимообусловленности всех элементов произведения слова» (Там же: 17).

Федоров предлагает рассматривать перевод, в первую очередь перевод художественной литературы, с точки зрения его *полноценности*. «Полноценным является тот перевод, в котором средствами общепонятного языка и в соответствии с его нормой воспроизводится единство содержания и всей системы стилистических особенностей, представляемое оригиналом (при обязательном условии передачи его основного смыслового стержня — будь то сюжет целого произведения, или мотив отдельного эпизода, или идея стихотворения), и в котором каждый более или менее значительный отрезок текста сохраняет отношение частного элемента оригинала к его целому» (Там же). Определение полноценности перевода включает в себя три аксиологических критерия: соответствие текста перевода нормам языка перевода; воспроизведение содержания и стилистики подлинника; возможность утрат и преобразований.

Закономерность утрат и преобразований объяснялась диалектикой перевода, т.е. тем, что «полноценный перевод предполагает определённое равновесие между целым и отдельным» (Там же: 19).

При таком подходе проблема переводимости решалась в пользу перевода, т.е. разрешалось «скандальное противоречие между теоретической лингвистикой и переводческой практикой», как его определил один из первых французских лингвистов, обратившихся к проблемам перевода, Жорж Мунен, и заключавшееся в том, что «если принять бытующую точку зрения по поводу структуры лексики, морфологии и синтаксиса, то можно прийти к выводу, что перевод невозможен. Но переводчики существуют, они трудятся, и плодами их труда пользуются многие» (Mounin, 1963: 8).

Такое диалектическое решение скандального противоречия между лингвистической теорией и переводческой практикой снимало и вопрос о переводимости. Непереводимость отдельных эле-

ментов текста перевода, их утрата или видоизменение в переводе не представлялась как преграда для перевода, который трактовался не как последовательность отдельных единиц, в большей или меньшей степени соответствующих единицам текста оригинала, а как определённым образом сложившаяся система, в которой «характер соотношения между отдельным и целым является едва ли не основным и важнейшим элементом» (Федоров, 1952: 19).

Федоров распространяет свойство полноценности и на фазу понимания переводчиком текста оригинала: «Возможность полноценного перевода имеет предпосылкой полноценное же, т.е. объективное понимание подлинника» (Там же) и утверждает, что «ложная концепция — политическая, эстетическая, историко-литературная — имеет следствием неверное восприятие и осмысление содержания подлинника» (Там же: 21).

Последний аспект перевода, рассматриваемый Федоровым, затрагивает социологию перевода, хотя, разумеется, понятие социологии — запрещённой в тот период отрасли научного знания как буржуазной — никак не фигурирует в статье. Общественная функция переводчика определяется Федоровым через классовый подход. «Переводчик, — пишет Федоров, — в какой бы сфере он ни работал, всегда служит интересам определённой страны, определённого класса и руководствуется представлениями своего класса, своей эпохи» (Там же).

Завершая статью, Федоров определяет основную принципиальную характерную черту советского перевода — это правдивость передачи оригинала, независимо от его идеологической направленности. В любом случае, — пишет учёный, — задача переводчика состоит в том, чтобы «ничего не ослаблять, не сглаживать, не приукрашивать» (там же: 22). Предпосылку для решения этой задачи он видит в идейно правильном истолковании переводимого произведения, а условием её выполнения — правильный выбор языковых средств.

Вместо заключения

В статье Федорова, опубликованной в 1952 г., сформулированы важнейшие проблемы теории перевода как самостоятельного направления научного знания. Несмотря на заявление о том, что перевод в теоретическом разрезе является языковедческой проблемой, Федоров определяет значительно более широкий, нежели собственно лингвистический, спектр проблематики науки о переводе. Стилистика языка и речи, представление о норме националь-

ного языка и индивидуальности авторского стиля положены им в основу лингвистического обоснования переводческих решений. Но Федоров рассматривает и структуру акта перевода, представляющую собой специфическое для этого вида речевой деятельности преломление проблемы взаимоотношения языка и мышления, которая в равной степени относится как к области языкознания, так и философии и психологии. Определение задач переводчика в зависимости от характера материала, подлежащего переводу, уводит в область прагматики. Предложенное исследователем понятие полноценности может рассматриваться как категория аксиологии перевода. Обусловленность переводческих решений жизнью общества, в котором находится переводчик, идеологическими и эстетическими воззрениями определённой эпохи относится к сфере социологии перевода.

Безусловной заслугой Федорова является и тот факт, что он первым предложил рассматривать науку о переводе — теорию перевода — как специальную научную дисциплину. Однако и сегодня, по прошествии семидесяти лет с момента выхода в свет книги Федорова вопрос о статусе науки о переводе остаётся открытым.

Французский лингвист и переводчик, историк перевода и исследователь эпистемологии знания о переводе Мишель Балляр совершенно справедливо отмечал, что вопрос «что такое наука о переводе?» — пусть и слишком общий, но ложно наивный, так как отражает реальное мнение неспециалистов о теории перевода (см.: Ballard, 2006: 7). Подтверждение этому Балляр видел, в частности, даже в том, что сегодня, к сожалению, даже в библиотеке нет специального раздела, посвящённого науке о переводе, и книги по этой проблематике приходится искать на полках, отведённых лингвистике, литературоведению, языкам, истории, критике и пр. (Там же).

Таким образом, не решённым оказывается главный вопрос онтологического характера: является ли наука о переводе прикладной отраслью лингвистики, либо — это более сложное трансдисциплинарное научное знание, сочетающее в себе как «чистую» науку, так и прикладную, но и вопрос телеологического порядка: что может дать теория перевода переводческой практике?

Сегодня многие переводческие агентства и компании считают своим долгом публиковать на своих сайтах некоторую информацию теоретического плана о той деятельности, которой они занимаются. Поиски в сети разных определений французского термина *traductologie*, аналогичного русскому термину переводоведение,

привёл на сайт одной переводческой компании (<https://a4traduction.com>), которая позиционирует себя как опытного (с 2002 г.) игрока на рынке переводческих услуг, способного осуществлять перевод с любого языка мира (и на любой!).

Вклад этой компании в популяризацию науки о переводе заключается главным образом в составлении и размещении на своём сайте глоссария о переводе довольно эклектического порядка объёмом чуть более сотни статей (<https://a4traduction.com/glossaire-de-la-traduction>).

Авторы статьи глоссария *traductologie*, отметив заслугу Джеймса Холмса в обозначении этого научного направления точным английским термином *Translation Studies*, и посетовав на то, что франкоязычные исследователи всё ещё колеблются между разными терминами, заявляют о размытости самого предмета этой науки¹⁶. Авторы статьи делают вывод, на первый взгляд, противоречащий современным тенденциям развития научного знания, но заслуживающий внимания. По их мнению, сложность точного определения того, что такое наука о переводе, в её междисциплинарности¹⁷. С этим мнением трудно не согласиться. В самом деле, перевод постоянно оказывается в фокусе многих научных дисциплин: лингвистика, литературная критика, социология, философия, психология, нейропсихология, теория информации, культурная антропология и др. Точные выбор и ограничение предмета при подобном многообразии подходов — задача, действительно, весьма непростая.

Но остаётся ещё один вопрос: для чего? Каково реальное прикладное значение научных разысканий в области перевода?

Авторы вышеупомянутой статьи на сайте переводческого агентства видят прикладное значение теории в её «классической» дидактической функции: теория нужна для обучения будущих переводчиков. Но в современном глобальном мире на первый план выходит и функция теоретических разработок «автоматизации» процесса перевода, для создания программ, способных не только помочь переводчику, но и, возможно, в некоторых сферах заменить естественный интеллект переводчика искусственным¹⁸.

---

¹⁶ “Le champ d'étude de cette science est également flou” (<https://a4traduction.com/glossaire-de-la-traduction/Traductologie>).

¹⁷ “C'est cette interdisciplinarité qui rend la traductologie si complexe” (Ibid.).

¹⁸ “La traductologie est une science qui a pour but de comprendre la traduction, ses mécanismes et ses difficultés. On peut se servir dans un but pratique du savoir qu'elle procure de plusieurs façons: la manière “classique”, à savoir dans le but de former les traducteurs à leur futur métier; ou bien dans le but d’“automatiser” la traduction, ce

Казалось бы, гармония теории и практики перевода установлена. Но вывод переводчиков-практиков о прикладном значении теории способен свергнуть их в новые дискуссии с теми, кто строит науку о переводе: тем не менее, заключают авторы статьи, наука о переводе для перевода — это то же самое, что теология для вероисповедания: впечатляет, но не имеет к нему сколь-нибудь существенного отношения¹⁹.

Круг замыкается. Наука о переводе в представлении переводчиков-практиков при всех вежливых реверансах в ее сторону вновь оказывается оторванной от переводческой практики.

Список литературы

Возникновение теории перевода как научной дисциплины <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnou-distsipliny.html> (Дата обращения 15.12.2022).

Вопросы теории и методики учебного перевода [Текст]: Сборник статей / Под ред. К.А. Ганшиной и И.В. Карпова; Акад. пед. наук РСФСР. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. 232 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с. https://pedlib.ru/Books/1/0162/1_0162-319.shtml#book_page_top (Дата обращения 15.12.2022).

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Гарбовский Н.К. Такой науки быть не может. К эпистемологии науки о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 7–24.

Долинин К.А. Социалистический реализм в лингвистике (к истории функциональной стилистики в СССР) // Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания филолог. фак. С.-Петерб. гос. ун-та / Ред. Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, А.В. Бондарко [и др.]. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 607–620.

Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал «Вопросы языкознания» // Вопросы языкознания. № 1, 1952. С. 3–40.

Кашкин И.А. Вопросы перевода. I. О методе и школе советского художественного перевода (1952) // Для читателя-современника (Статьи и исследования). М.: Советский писатель, 1977. 560 с. <https://royallib.com/>

---

qui implique que la traduction n'est pas seulement une science humaine, car elle pourrait être réalisée à l'aide d'un simple logiciel. En effet, la traductologie sert depuis des années à créer et améliorer des logiciels de traduction automatiques et des logiciels de traduction assistée par ordinateur (TAO). Avec la mondialisation, on comprend alors l'importance de la traductologie" (<https://a4traduction.com/glossaire-de-la-traduction/Traductologie>).

¹⁹ "Néanmoins, la traductologie est à la traduction ce que la théologie est à la foi : passionnante, mais sans grand rapport avec elle" (Ibid.).

read/kashkin_ivan/dlya_chitatel'ya_sovremennika_stati_i_issledovaniya.html#0 (Дата обращения 15.12.2022).

Кашкин И.А. В борьбе за реалистический перевод (1954) // Для читателя-современника (Статьи и исследования). М.: Советский писатель, 1977. 560 с. https://royallib.com/read/kashkin_ivan/dlya_chitatel'ya_sovremennika_stati_i_issledovaniya.html#0 (Дата обращения 15.12.2022).

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Изд-во «Международные отношения», 1973 216 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 424 с.

Литературная энциклопедия. Т. 8 / Ком. акад.; НИИ лит., искусства; Ред. коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Маца И.Л., Нусинов И.М., Фриче В.М.; Гл. ред. Луначарский А.В.; учёный секретарь Михайлова Е.Н. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. 736 стб.: ил.

Миньяр-Белоручев Р.К. Общая теория перевода и устный перевод. М.: Воениздат, 1980. 237 с., ил.

Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении / пер. с англ. Т.А. Казаковой; под ред. А.В. Ачкасова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 255 с.

Плеханов Г.В. Две рецензии на книги Г. Лансона по истории французской литературы. В кн.: Г.В. Плеханов — литературный критик // Журнално-газетное объединение. М., 1933. С. 47–69.

Реформатский А.А. Лингвистические вопросы перевода // Иностранные языки в школе, 1952. № 6. С. 12–22.

Смирнов А.А., Алексеев М. Перевод // Литературная энциклопедия: В 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР, Гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. СПб. С. 512–532 <https://feb-web.ru/feb/litenc/encyclor/le8/le8-5121.htm>

Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952. Источник: *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 104–138. http://az.lib.ru/m/marr_n_j/text_1950_stalin.shtml?ysclid=ldfep2exj7489856531 (Дата обращения 15.12.2022)

Федоров А.В. Основные вопросы теории перевода. // Вопросы языкознания. № 5, 1952. С. 3–22.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Изд. 4. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитоновна Е.В. Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории): монография / Под общ. ред. Р.Р. Чайковского. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.

Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. 800 с. https://sharlib.com/read_226766-31?ysclid=ldrrb4qzwy465251815 (Дата обращения 15.12.2022)

- Ballard M.* (2006) Qu'est-ce que la traductologie ? Etudes réunies par Michel Ballard. Présentation. Artois Presses Université. 302 p.
- Bocquet C.* (2006) La traductologie: préhistoire et histoire d'une démarche épistémologique. In: Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Artois: Artois Presses Université, pp. 23–33.
- Cary E.* (1963) Les Grands traducteurs français. Genève.
- Gile D.* (2005) La traduction. La comprendre, l'apprendre. Paris: Presses Universitaires de France. 278 p.
- Gile D.* (2006) Regards sur l'interdisciplinarité en traductologie. In: Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Artois: Artois Presses Université, pp. 107–118.
- Goffin R.* (1971) Pour une formation universitaire « sui generis » du traducteur. Meta: journal des traducteurs. Meta: Translators' Journal. Vol. 16. No. 1–2, pp. 57–68.
- Harris B.* (1972) La traductologie, la traduction naturelle, la traduction automatique et la sémantique [archive]. Dans «Problèmes de sémantique» (Cahier de linguistique 3), dirigé par J. McA'Nulty et al., Montréal, Presses de l'Université du Québec, pp. 133–146.
- Harris B.* Origins and conceptual analysis of the term Traductologie. Babel. Revue internationale de la traduction / International Journal of Translation. April 2011 57(1): pp. 15–31.
- Holme, James S.* (1972/1988) The Name and Nature of Translation Studies. In Holmes, Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies, Amsterdam: Rodopi, pp. 67–80. <https://ia600505.us.archive.org/17/items/Holmes1972TheNameAndNatureOfTranslationStudies/Holmes%201972%20The%20Name%20and%20Nature%20of%20Translation%20Studies.pdf> (Дата обращения 15.12.2022).
- Lévi-Strauss C.* (1974) Anthropologie structurale. Plon. 452 p.
- Malblanc A.* (1961) Stylistique comparée du français et de l'allemand — Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction. In-4. Relié. 351 p.
- Mounin G.* (1963) Les Problemes Theoriques de la Traduction. P. Gallimard. 296 p.
- Seleskovitch D. et Lederer M.* (1989) Pedagogie raisonnee de l'interpretation. Luxembourg: Office des publications officielles des Communautés européennes. Paris: Didier Erudition. 281 p. <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/efd30c6b-cc69-49a8-b3c2-4db8c51eca18> (Дата обращения 15.12.2022).
- Steiner G.* (1978) Après Babel. Une poétique du dire et de la traduction. Traduit de l'anglais par Lucienne Lotringer. Paris.
- Steiner G.* (1975) After Babel. Oxford.
- Traductologie. En théorie, tout va bien. <https://a4traduction.com/glossaire-de-la-traduction/Traductologie>. (Дата обращения 15.12.2022).
- Vinay J.-P., Darbelnet J.* (1958) Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris: Didier. 331 p.

References

Ballard M. (2006) Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Présentation. Artois Presses Université. 302 p.

Bocquet C. (2006) La traductologie: préhistoire et histoire d'une démarche épistémologique. In: Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Artois: Artois Presses Université, pp. 23–33.

Cary E. (1963) Les Grands traducteurs français. Genève.

Chajkovskij R.R., Voronevskaya N.V., Lysenkova E.L., Haritonova E.V. (2016) Hudozhestvennyj perevod kak vid mezhhkul'turnoj kommunikacii: (osnovy teorii): monografiya = Literary translation as a type of intercultural communication: (fundamentals of theory): monograph. Pod obshch. red. R.R. Chajkovskogo. 3-e izd., ster. Moscow: Flinta: Nauka. 224 p. (In Russian).

Dolinin K.A. (2004) Socialisticheskiy realizm v lingvistike (k istorii funkcional'noj stilistiki v SSSR) = Socialist Realism in Linguistics (on the History of Functional Stylistics in the USSR Teoreticheskie problemy yazykoznaniya: Sb. st. k 140-letiyu kaf. obshchego yazykoznaniya Filolog. fak. Sankt-Peterburgogo gos. un-ta, red. L.A. Verbickaya, S.I. Bogdanov, A.V. Bondarko [i dr.]. Sankt-Peterburg: Filol. fak. SPbGU, pp. 607–620 (In Russian).

Fedorov A.V. (1952). Osnovnye voprosy teorii perevoda = The main issues of translation theory. *Voprosy yazykoznaniya*. No. 5, pp. 3–22 (In Russian).

Fedorov A.V. (1953) Vvedenie v teoriyu perevoda = Introduction to Translation Theory Moscow: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah. 336 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1983) Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy) = Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems). Edition 4. Moscow: Vysshaya shkola. 303 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1969) Introduction à la théorie de la traduction. Trans. R. Deresteau and S. Sergeant. Research paper for Licentiate, École Supérieure de Traducteurs et Interprètes de l'État, Brussel.

Garbovskiy N.K. (2022) Takoj nauki byt' ne mozhet. K epistemologii nauki o perevode = There can be no such science. Towards the epistemology of the Science of translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 7–24. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) Teoriya perevoda = Translation theory. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 544 p. (In Russian).

Gile D. (2005) La traduction. La comprendre, l'apprendre. Paris: Presses Universitaires de France. 278 p.

Gile D. (2006) Regards sur l'interdisciplinarité en traductologie. In: Qu'est-ce que la traductologie? Etudes réunies par Michel Ballard. Artois: Artois Presses Université, pp. 107–118.

Goffin R. (1971) Pour une formation universitaire "sui generis" du traducteur. *Meta: journal des traducteurs. Meta: Translators' Journal*, vol. 16, No. 1–2, pp. 57–68.

Harris B. (1972) La traductologie, la traduction naturelle, la traduction automatique et la sémantique [archive]. Dans "Problèmes de sémantique" (Cahier de linguistique 3), dirigé par J. McA'Nulty et al., Montréal, Presses de l'Université du Québec, pp. 133–146.

Harris B. (2011) Origins and conceptual analysis of the term Traductologie. *Babel. Revue internationale de la traduction. International Journal of Translation*. April 2011 57 (1): pp. 15–31.

Holmes J.S. (1972/1988) The Name and Nature of Translation Studies. In Holmes, *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies*, Amsterdam: Rodopi, pp. 67–80. <https://ia600505.us.archive.org/17/items/Holmes1972TheNameAndNatureOfTranslationStudies/Holmes%201972%20The%20Name%20and%20Nature%20of%20Translation%20Studies.pdf> (access date 15.12.23).

Kashkin I.A. (1977) Voprosy perevoda. I. O metode i shkole sovetskogo hudozhestvennogo perevoda (1952) = Translation issues. I. About the method and school of Soviet literary translation. *Dlya chitatel'nykh i issledovaniya*. Moscow: Sovetskij pisatel'. 560 p.

https://royallib.com/read/kashkin_ivan/dlya_chitatel'nykh_i_issledovaniya.html#0 (access date 15.12.23) (In Russian).

Kashkin I.A. (1977) V bor'be za realisticheskij perevod (1954). = In the struggle for a realistic translation. *Dlya chitatel'nykh i issledovaniya*. Moscow: Sovetskij pisatel'. 560 p. https://royallib.com/read/kashkin_ivan/dlya_chitatel'nykh_i_issledovaniya.html#0 (access date 15.12.23) (In Russian).

Komissarov V.N. (1973) Slovo o perevode = On Translation. Moscow: Izd-vo "Mezhdunarodnye otnosheniya". 216 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (2004) Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies. Moscow: ETS. 424 p. (In Russian).

Lévi-Strauss C. (1974) *Anthropologie structurale*. Plon. 452 p.

Literaturnaya enciklopediya = Literary Encyclopaedia. Vol. 8 (1934). Kom. akad.; NII lit., iskusstva; Red. kollegiya: Lebedev-Polyanskij P.I., Maca I.L., Nusinov I.M., Friche V.M.; Gl. red. Lunacharskij A.V.; uchenyj sekretar' Mihajlova E.N. Moscow: OGIZ RSFSR, gos. slovarno-encikl. Izd-vo "Sov. encikl'" 736 stb.: il. (In Russian).

Malblanc A. (1961) *Stylistique comparée du français et de l'allemand. Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction*. In-4. Relié. 351 p.

Min'yar-Beloručev R.K. (1980) *Obshchaya teoriya perevoda i ustnyj perevod = General theory of translation and interpreting practice*. Moscow: Voenizdat. 237 p., il. (In Russian).

Mounin G. (1963) *Les Problemes Theoriques de la Traduction*. P. Gallimard. 296 p.

Pim A. (2018) *Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii* = Exploring translation theories. Per. s angl. T.A. Kazakovoj; pod red. A.V. Achkasova. Saint Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 255 p. (In Russian).

Plekhanov, G.V. (1933) *Dve recenzii na knigi G. Lansona po istorii francuzskoj literatury* = Two reviews of G. Lanson's books on the history of French literature. V kn.: G.V. Plekhanov — literaturnyj kritik. Zhurnal'no-gazetnoe ob"edinenie. Moscow, pp. 47–69 (In Russian).

Reformatskij A.A. (1952) *Lingvisticheskie voprosy perevoda*. = Linguistic issues of translation. *Inostrannye yazyki v shkole*. No. 6, pp. 12–22. (In Russian).

Seskovitch D., Lederer M. (1989) *Pédagogie raisonnée de l'interprétation*. Luxembourg: Office des publications officielles des Communautés européennes. Paris: Didier Erudition. 281 p. <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/efd30c6b-cc69-49a8-b3c2-4db8c51eca18> (access date 15.12.23).

Shchedrovickij G.P. (1995) *Izbrannye Trudy* = Selected Works. Moscow. 800 p. https://sharlib.com/read_226766-31?ysclid=ldrrb4qzwy465251815 (access date 15.12.23) (In Russian).

Stalin I. (1952) *Marksizm i voprosy yazykoznanija* = Marxism and questions of linguistics. Gospolitizdat, pp. 104–138 (In Russian).

Steiner G. (1978) *Après Babel. Une poétique du dire et de la traduction*. Traduit de l'anglais par Lucienne Lotringer. Paris.

Traductologie. En théorie, tout va bien. <https://a4traduction.com/glossaire-de-la-traduction/Traductologie> (access date 15.12.23).

Vinay J.-P., Darbelnet J. (1958) *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris: Didier. 331 p.

Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda [Tekst] (1950) *Sbornik statej* = Questions of theory and methodology of pedagogical translation. Pod red. K.A. Ganshinoj i I.V. Karpova; Akad. ped. nauk RSFSR. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR. 232 p. (In Russian).

Vozniknovenie teorii perevoda kak nauchnoj discipliny = The emergence of translation theory as a scientific discipline. <https://transeurope.ru/publications/vozniknovenie-teorii-perevoda-kak-nauchnoj-distsipliny.html> (access date 15.12.23) (In Russian).

Vygotskij L.S. (1999) *Myshlenie i rech'* = Thinking and speech. Izd. 5, ispr. Moscow: Labirint. 352 p. https://pedlib.ru/Books/1/0162/1_0162-319.shtml#book_page_ (access date 15.12.23) (In Russian).

Zadachi sovetskogo yazykoznanija v svete trudov I.V. Stalina i zhurnal "Voprosy yazykoznanija" (1952) = The tasks of Soviet linguistics in the light of the works of I.V. Stalin and the journal "Questions of Linguistics". *Voprosy yazykoznanija*. No. 1, pp. 3–40 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гарбовский Николай Константинович — академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai K. Garbovskiy — Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Building 1-51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.